

**ПОЭТИКА РАССКАЗА О ВАВИЛОНСКОМ СТОЛПЕ  
В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И УМОНАСТРОЕНИЕ ЛЕТОПИСЦА**

*А. С. Дёмин*

В основу предлагаемой темы положено изучение поэтики летописи. Исследование поэтики «Повести временных лет» помогает глубже раскрыть содержательное богатство летописи как литературного памятника вопреки расхожим представлениям о простоте летописного повествования и созерцательном спокойствии летописца начала XII в. (лица, конечно, сборного из многих составителей летописи). Подобной проблемой с разных сторон уже занимались А. А. Шахматов, И. П. Ерёмин, Д. С. Лихачёв, И. Н. Данилевский, А. А. Гиппиус, А. А. Шайкин, А. М. Ранчин, А. Л. Никитин и др., но возможности новых наблюдений тут почти безграничны.

Мы рассмотрим лишь один летописный рассказ, притом из тех рассказов, в которых летописец так или иначе использовал Библию и переосмыслил её материал.

**РАССКАЗ О ВАВИЛОНСКОМ СТОЛПЕ**

**Текст.** Симъ же, Хамъ и Афеть, разделивше землю, и жребьи метавше и ... никому же преступати въ жребии братень, и живяху кождо въ своеи части. И бысть языкъ единъ. И умножившемся человекомъ на земли, и помыслиша создати столпъ до небесе въ дни Нектана и Фалека. И собращася на месте Сенарь поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ. И здаша столпъ за 40 лет, и не свершень бысть. И сниде господь Богъ видети градъ и столпъ. И рече господь Богъ: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И съмеси господь Богъ языки, и раздели на 70 и на 2 языка, и расъся по всеи земли. По размешеньи же языкъ Богъ ветромъ великимъ разрушити столпъ повеле. И есть останокъ его межи Асира и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локот 5433 локти. В лета многа хранимъ останокъ. По разрушении же столпа и по разделеньи языкъ прияша сынове Симови вьсточныя страны, а Хамови сынове – полуденьныя страны, Афетови же сынове прияша западныя страны и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова нарицаемии нарци, еже суть словене<sup>1</sup>.

**Текстологические замечания.** По версии летописца, при Иектане и Фалеке (потомках Адама в 15 поколении, внуках Ноя, сыновьях Сима) во владениях Сима, в нижнем течении Тигра и Евфрата, на обширной равнине Сеннаар человечество принялось строить столп и одновременно около него город Вавилон. Всё дело кончилось разрушением столпа и разделением человечества на 72 народа, в составе которых затем уже во владениях потомков Иафета, в Центральной Европе, в верхнем течении Дравы, в области Норик появились славяне.

Выделение нами отрывка о вавилонском столпотворении в относительно отдельный рассказ обусловлено структурой повествования летописца в начале «Повести временных лет». Весь длинный начальный рассказ о Симе, Хаме и Иафете представлял у летописца единое целое, от слов «по потопе трие сынове Ноеви разделиша землю – Симь, Хамь, Афеть» до слов «по мнзехъ же временех сели суть словени по Дунаеви», когда летописец стал рассказывать уже о расселении славян, а Сима, Хама и Иафета больше не упоминал<sup>2</sup>.

Но весь рассказ о Симе, Хаме и Иафете имел структуру «гармошки» и состоял из связанных друг с другом меньших «рассказиков» или кратких сообщений со своими объектами изложения: летописец то говорил отдельно о Симе, то отдельно о Хаме, то отдельно об Иафете, то затем о человечестве, то об останке «столпа», то о сыновьях трёх братьев, то о происхождении славян, отделяя друг от друга эти «рассказики» и сообщения напоминаниями об уже ранее рассказанном («Симь же, Хамь и Афеть, разделивше землю ... По размешеньи же языкъ ... По разрушени же столпа и по разделеньи языкъ... От сихъ же 70 и 2 языку...»).

В целом же по форме изложения весь рассказ о Симе, Хаме и Иафете летописец разделил на две различающиеся части. Первая часть не так интересна в литературном отношении, потому что она составлена из однообразных перечислений географических названий стран и народов во владениях каждого их трёх братьев. Вторая же часть – более предметна и сюжетна и потому избрана нами для анализа его поэтики.

Однако, прежде чем заняться поэтикой, нужно сделать ещё одно текстологическое замечание. Приведённый нами выше текст рассказа является лишь реконструкцией текста не дошедшей до нас первой редакции «Повести временных лет», приписываемой Нестору-летописцу. Дело в том, что текст этого небольшого рассказа о вавилонском столпе отличается массой мелких разночтений, а иногда и явных искажений во всех дошедших списках летописи, и поэтому любое её издание, так или иначе якобы воссоздающее повествование первой редакции, неминуемо становится реконструкцией.

Спасает положение мелкость разночтений (преимущественно отсутствие или добавление союзов и частиц в текстах списков), что в целом делает реконструкцию правдоподобной. Но в мелких деталях гипотетичность реконструкции прочно остаётся, так как по подавляющему большинству мелких разночтений невозможно определить их первичность или же их вторичность.

В данном случае по научной традиции за основу изучения взят текст рассказа в самом раннем из дошедших списков второй редакции летописи – в «Лаврентьевской летописи» 1377 г., – а разночтения учитываются по другим важнейшим спискам второй редакции летописи – в «Радзивиловской летописи» конца XV в. и в «Московско-Академической летописи» тоже конца XV в., а также в «Троицкой летописи» начала XV в., вернее, в позднейшей реконструкции же этой сгоревшей летописи<sup>3</sup>.

Наш принцип реконструкции текста, наверное, можно обвинить в формальности: если мелкие чтения нередко ущербного Лаврентьевского списка (и тем бо-

лее Троицкого списка) отличаются от чтений Радзивиловского и Академического списков, а в Радзивиловском и Академическом они совпадают, то становимся на сторону «большинства» и предпочтение отдаём общим чтениям Радзивиловского и Академического списков. Однако нами сделаны и два содержательных исключения, когда общие чтения Радзивиловского и Академического списков, напротив, являются ошибочными, а общие чтения Лаврентьевского и реконструированного Троицкого списков можно считать верными: 1) в Лаврентьевском и Троицком списках содержатся первоначальные фразы «въ дни Нектана и Фалека. И собравшаяся на месте Сенаръ поли»; эти важные фразы, по мнению А. А. Шахматова, видимо, были пропущены в Радзивиловском и Академическом списках; 2) в Лаврентьевском и Троицком списках правильно упомянуты «сынове Симове», явно ошибочно названные как «сынове Сифове» в Радзивиловском и Академическом списках (сыновья Сифа, дальние предки Сима и его сыновей, не делили землю).

Кроме того, по предположениям учёных, во всех списках летописи во фразе «и жребьи меташе и ... никому же преступати» встречается пропуск. А. Шлецер и Ф. Миклошич предполагали, что пропущено было выражение «урокъ положиша», а А. А. Шахматов – «клятьву даша». Однако в своей реконструкции текста «Повести временных лет» А. А. Шахматов здесь многоточием отметил только пропуск, но не вставил какого-либо выражения<sup>4</sup>.

Можно добавить третье предположение, если учитывать привычное для летописца словоупотребление в «юридических» статьях летописи. Возможно, фраза выглядела так: «и жребьи метавше, и *кляшеся* никому же *преступати* въ жребии братень» (ср. аналогичные словосочетания в договорах с греками: «мы же ... *кляхомся* ... *не преступити*...»; «мы же *кляхомся* ... яко ... *не преступити*...» – 52, 37, под 945 и 912 гг.; ср. ещё в завещании Ярослава: «заповедавъ имь не преступати предела братня» – 161, под 1054 г.).

И последнее замечание – об источнике рассказа. Рассказ о вавилонском столпе, по наблюдениям А. А. Шахматова, был заимствован летописцем из «Хроники» Георгия Амартола и из какого-то не дошедшего до нас «Хронографа», но фактически свёлся к сводке и сокращённому пересказу их сведений у летописца<sup>5</sup>. В конечном счёте и летописный рассказ, и его источники восходили к Библии<sup>6</sup>.

**Семантика рассказа.** При анализе поэтики и семантики летописного рассказа (от формы к содержанию) надо быть готовыми к предположительности и некоторой прямолинейности наших выводов о мыслях, представлениях и чувствах летописца ввиду отсутствия нужных прямых доказательств и наличии только доказательств косвенных в изучаемом тексте. Опора только на косвенные доказательства, в лучшем случае, приводит лишь к правдоподобным догадкам о творчестве летописца. Но другого пути, без гипотез, нет.

В данном случае мы обратим внимание на наиболее редко изучаемое явление – на экспрессию летописца, не бросающуюся в глаза, но тем не менее заметную, если учитывать смысловые оттенки некоторых выражений в рассказе о вавилонском столпе.

В начале своего рассказа летописец отметил, что люди «*помыслиша* создати столпь». Хотя эта фраза была взята из соответствующего места «Хроники» Георгия Амартола, но в контексте летописи она, кажется, имела дополнительную, правда, неотчётливую, ассоциативную нагрузку и указывала на необычную масштабность предприятия: ведь во всех случаях использования глаголов «*помыслити*» и «*помышляти*» летописец подразумевал настроенность персонажей на нечто новое, необычное, большое, требовавшее сначала замысла и приготовлений, а лишь потом осуществления (например: «*помысли* создати церковь пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастера от грекъ, и наченшу же здати» – 121, под 989 г.; «и *помыслиша* поставити вне пещеры манастирь ... и съветъ створиша братья со игуменомъ поставити манастирь ... игумен же и братья заложиха церковь велику и манастирь огородиша, а съ столпьемъ» и т. д. – 158–159, под 1051 г.).

Глагол «*помыслиша*», следовательно, указывает на экспрессивное отношение летописца к вавилонскому столпу, который представлялся летописцу не просто большим, но необычайно большим.

Подтверждений такому отношению летописца в рассказе несколько.

В том же начале летописного рассказа летописец дополнительно выразил своё отношение к вавилонскому столпу как явлению не просто крупному, но необычному. Так, упоминания о возведении столпа именно «до небесе» уже означали его великость (ср. несколько более ясное выражение этой связи «небо – высота» в летописи: «суть горы ... *высота* ако до небесе ... горы *высокия* ... горы *великия*» – 235–236, под 1096 г.). При этом летописец дважды повторил указанную деталь: «*помыслиша* создати *столпь до небесе* ... и собращася ... здати *столпь до небесе*» (5). Такого повторения детали в рассказах о столпе не было ни в одном из его источников – ни в «Хронике» Георгия Амартола, ни в недошедшем «Хронографе» (судя, например, по «Хронографу 1512 г.»), ни в текстах Библии (судя, например, по «Острожской библии» Ивана Фёдорова 1580 г.). Повтор детали «до небесе» принадлежал самому летописцу и, видимо, не был случайным, а снова передал его ощущение необычности вавилонского столпа, – доказательством служит тот факт, что подобные повторы постоянно появлялись в летописи при описании событий необычных и крупных. Вот некоторые примеры (цитаты из других мест летописи приводятся только по Лаврентьевскому списку, за исключением явных искажений в нём). Необычное небесное явление: «бысть знаменье на западе – *звезда* превелика, луче имущи *акы кровавы* ... си бо *звезда* бе *акы кровава*» (164, под 1065 г.). Необычно большое войско: «совокупиша вои *беицислены*, и поидоша на конихъ и в лодяхъ *беицислено* множество» (163, под 1060 г.). Необычно красивое греческое богослужение, которое «паче всехъ странъ»: «нестъ бо на земли ... *красоты такая* ... мы убо не можемъ забыти *красоты тоя*» (108, под 987 г.). И т. д. и т. п.

Последующее затем сообщение о продолжительности строительства столпа – его строили 40 лет, но не завершили – опять заставляет задуматься, каким же необычайно громадным представлялся (пусть и смутно) вавилонский столп летописцу. Ведь летописец обозначал обычно небольшие сроки возведения довольно значительных построек, сравнительно с чем гомерические размеры вавилонского

столпа было трудно представить. Правда, в летописи упоминался ещё один библейский «долгострой» – Ноев ковчег: «делаему ковчегу за 100 лет» (90, под 986 г.); в результате ковчег имел «в долготу локоть 300, а в ширину – 80, а възвышие – 30 локоть» (примерно 150 x 40 x 15 м), – для судов древних времён размеры ковчега внушительны, но не потрясающи. Однако ковчег в течение 100 лет делал один только Ной, а вот после потопа вавилонский столп хотя и в течение 40 лет, но возводило всё человечество; так что размеры вавилонского столпа могли представляться летописцу несопоставимо огромными по сравнению с его довольно скромным предшественником. Правда, ясного выражения подобного представления о столпе в летописном тексте нет.

Далее в свой рассказ о вавилонском столпе летописец ввёл ещё одну деталь, передающую необычность вавилонского столпа: «и *сниде господь Богъ видети градъ и столпъ*». Этого свидетельства об инспекционном визите Бога к столпу нет в «Хронике» Георгия Амартола; правда, оно есть в Библии<sup>7</sup>. Но ни в «Хронике» Георгия Амартола, ни в других источниках летописца не подчёркивалась необычность вавилонского столпа. У летописца же особое внимание Бога к столпу ассоциировалось с необычностью вавилонского сооружения: оттого летописец не раз отмечал внимание Бога (смотрение, посещение, пребывание) именно к необычно крупным строениям или соборам. Так, по летописи, Бог должен был проявлять внимание к невиданной на Руси новопостроенной Десятинной церкви («Господи Боже, *призри* с небесе и вижь и *посети* винограда своего ... *призри* на церковь твою си» – 124, под 996 г.); а в знаменитом храме Софии Константинопольской и вообще «онъде Богъ с человеки *пребываетъ*» (108, под 987 г.); Бог должен был смотреть и на массу только что крещеных людей («Христе боже ... *призри* на новыя люди сия» – 118, под 988 г.).

Наконец, читаем далее: «Богъ *ветромъ великимъ* разрушити столпъ повеле». Значение этого ветра выявляется на фоне других ветров в летописи. Упоминаемые летописные бурные ветры обычно полностью разрушали или полностью выводили из строя даже крепкие объекты их воздействия (ср.: «абые буря вьста с ветромъ ... корабли смяте, и к берегу приверже, и изби я» – 21–22, под 866 г.; «вывержена будет лодья ветром великим на землю» – 35, под 912 г.; «и расъсею вы вся останки ваша во вся ветры» – 98, под 986 г.). У вавилонского же столпа сохранился «останокъ его межи Асира и Вавилона», – то есть так велик и прочен был столп, что даже насланный Богом великий ветер не смог полностью разрушить это сооружение. Больше того: «и есть въ высоту и въ ширину локот 5433 локти. В лета многа хранимъ останокъ», – если остаток столпа необычен и достигает почти трёх километров в высоту и в ширину, то тогда можно предположить, каким же небывало чудовищным неизменно представлялся (пусть и неотчётливо) сам вавилонский столп летописцу на всём протяжении его рассказа.

Продолжим анализ выражений летописца. В летописном рассказе о вавилонском столпе присутствовал ещё один, самый интересный для нас, но наименее заметный экспрессивный оттенок: обозначение необычности и крупности соору-

жения или иного предмета обычно в летописи было сопряжено с благоприятным отношением летописца к описываемому объекту, но вот вавилонский столп воспринимался летописцем, напротив, как *н е п р и я т н ы й о б ъ е к т*. Это отрицательное отношение летописца можно заметить по двум деталям, и прежде всего по многозначной детали – «до небесе», – указывавшей на неприятную необычность столпа. Это доказывается тем, что всё, доходившее «до небесе», входило у летописца в систему земных объектов, ассоциативно всегда неприятных, опасных, тревожащих. Напомним несколько подтверждающих примеров: зловещие горы «ако *до небесе*» находятся где-то «на полунощных странах», «есть же путь до горь техъ непроходим пропастьми, снегом и лесом», «и в горах тех кличь великъ и говорь» (235, под 1096 г.); пугающий столп «*до небеси*» «явися ... огонь» и при нём «молнья осветиша всю землю и в небеси прогреме в час 1 нощи», и это ангел, зримый как «огнь полящъ» (284, под 1110 г.). Или: «спаде превеликъ змии *отъ небесе*, и ужасошася все людье» (214, под 1091 г.).

Кроме того, у вавилонского столпа был даже более явный признак отрицательности: сам «*Богъ ... разрушити* столпь повеле». Для летописца такая деталь, тоже взятая из источников, служила безусловным свидетельством отрицательности характера вавилонского столпа, – ведь Бог, по ассоциации летописца, самолично уничтожал только что-то очень плохое (ср.: «мучители дулебов «быша бо обьре ... умомъ горди, и *Богъ потреби* я, и помроша вси, и не остася ни единъ» – 12).

**Умонастроение летописца.** Теперь перейдём от частных наблюдений к более общим объяснениям. Сразу же возникает вопрос, почему в пересказе летописца вавилонский столп предстал в столь неприятном свете? Ведь в источниках летописца экспрессивное отношение собственно к столпу, в том числе отрицательное, не выражалось. Выскажем следующее предположение: у летописца вавилонский столп стал нехорош оттого, что его строило «нехорошее» людское сборище.

Для обоснования нашего предположения обратимся к контексту летописного рассказа о столпе, где содержится знаменательное сообщение: «Симъ же, Хамъ и Афеть, разделивше землю, и жребьи метавше и ... никому же преступати въ жребии братень, и живяху кождо въ своеи части» (4–5). Ни в каких известных ныне источниках летописца нет такого подступа к рассказу о вавилонском столпе<sup>8</sup>.

Вспомним, что летописец исповедовал актуальную идею справедливого и прочного разделения владений между русскими князьями, которые зачастую являлись братьями или близкими родственниками друг другу. Это умонастроение, видимо, и затронуло рассказ о вавилонском столпе. Оттого в качестве вступления и заключения рассказа о вавилонском столпе у летописца выступили сообщения о разделе земли между братьями (сыновьями Ноя) и их потомками, а фразеология этих сообщений («разделити землю», «жити кождо», «преступати» и др.) перекликалась с фразеологией летописных высказываний о русских междукняжеских территориальных отношениях; ср.: «*живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ местехъ*» (9); «и *разделиста* по Днепръ Русьскую землю ... и начаста *жити* мирно и в братолюбстве» (149, под 1026 г.); «и будете мирно *живущее* ... и тако *раздели* имъ грады, заповедавъ имъ *не преступати* предела *братня*, ни сгонити» (161, под

1054 г.); «*преступивше* заповедь отню ... бе начало выгнанию *братню*» (182, под 1073 г.); «*кождо* да держит отчину *свою*» (256–257, под 1097 г.) и т. д. Однажды летописец и прямо сопоставил княжеские усобицы под 1073 г. с событиями библейскими: очередной князь «прогнавъ брата своего, *преступивъ* заповедь отню ... ибо исперва *преступиша* сынове Хамови на землю Сифову... Евреи же, избивше хананейско племя, восприяша свои *жребии* и свою землю ... Не добро есть *преступати* предела чужего» (183).

Таким образом, из повествования летописца о строительстве вавилонского столпа следовало, что люди преступили «жребии братень» и все собрались на едином поле, то есть сборище было своего рода незаконным, противоречившим договору библейских братьев о том, чтобы каждому жить «въ своей части». Правда, на незаконность подобного сборища летописец прямо не указал.

Летописный рассказ о вавилонском столпе оказался нетрадиционным по смыслу. В источниках и в книжности времени летописца вавилонское сборище тоже представало всечеловеческим и «нехорошим», но совсем по другой причине, – из-за непослушания людей Богу. Ср. в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова: «вси вкупе» «пръвее человецы по потопе въ *богоборнемъ* столпотворении» «мечтательным образом хотяще на небо възыти», чтобы спастись от второго потопа, если найдет его Бог, и «от устрашения высьоти помрачаеми паки»<sup>9</sup>. Наиболее ясно та же причина была растолкована в «Хронографе 1512 г.»: «Невродь же, внукъ Хамовъ, сей человекъ сътвори отъ Творца отступити ... и честь, достойную Богови, яко же подобаетъ, на себе въсхоте преложити *безумне* и съветникъ бысть на стопотворение, яко да съпротивитя Богови, аще паки помыслить навести потопъ роду человеческому ... Множество убо человекъ, послушавше съвета Невродова, здати начаша стлпъ ... *суетнаго* ихъ труда»<sup>10</sup>, – вот отчего «нехорошим» (безумным, суетным) явилось вавилонское сборище. В других произведениях, касавшихся истории вавилонского столпа, объяснения были короче либо вовсе отсутствовали, но всё равно строители столпа оценивались как суетные и безумные: «и рече Богъ: ”Се умножишася человеци, и помысли их *суетни*” ... Аще бы человекомъ Богъ рекль на небо столпъ делати, то повелель бы самъ Богъ словомъ» (не принадлежавшая летописцу так называемая «Речь философа», вставленная в «Повесть временных лет», 91, под 986 г.); «роду человеческому ... *безумиемъ* высокое здание наченьшимъ ... *безумному* делу ихъ»<sup>11</sup>.

Как видим, летописец усвоил отрицательное отношение к вавилонскому столпу из своих источников, но подменил объяснение: вавилонский столп был неприятен оттого, что его возводили нарушители братского договора.

Посмотрим на летопись в целом. Аналогичное, но более сильное неприязненное чувство руководило летописцем, когда он рассказывал о различных языческих сборищах и соответственно об их неприятных сооружениях. Так, языческие «столпы» были связаны со зловещими предметами – мертвецами, костями, скорпионами и пр. («мертвеца сожьжаху и посемъ, собравше кости, вложяху в судину малу и поставяху на столпе на путех» – 14; «сотворивъ медянь скоропии, и погре-

бе его в земли, и малъ столпъ мраморен постави над ним» – 40, под 912 г.), а всё потому, что «си же творяху обычая ... погании, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе законъ» (14), или потому, что «некий волхвъ ... творя ... бесовскаяа чудеса» (39). Другие изделия язычников – «кумиры» – летописец неукоснительно связывал с кровавыми человеческими жертвоприношениями и осквернённой землёй («постави кумиры ... и привожаху сыны своя и дъщери, и оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьюми земля Руска» – 79, под 980 г.; «начаша кумиры творити ... привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена» – 91, под 986 г.).

В летописи также можно отметить связь между нехорошим сборищем и местом его обитания. Например, летописец описал зловещие горы и в них странную, то ли строительную, то ли разрушительную, деятельность какого-то страшного северного народа: в летописи обычно «секут» людей, а тут «секуть гору»! Деятельность эта лихорадочна и даже агрессивна: обычно на горе чего-то строят, а тут гору разрушают, «хотяще высечися, и в горе тои просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку ихъ, но ... просяще железа» (235, под 1096 г.). Сборище это мерзкое и крайне опасное: «си суть людье, заклеплени Александром Македоньским цесаремь ... человеки нечистыя ... ядыху скверну всяку» и т. д.; эти народы «умножаться и осквернять землю ... в последняя же дни ... изидут и си сквернии языки» (236).

Вернёмся к рассказу о вавилонском столпе и на этот раз рассмотрим его композицию. Летописец закончил своё повествование сообщением о восстановлении законного порядка в размещении человечества: «и по разделеньи языкъ прияша сынове Симове вѣсточныя страны, а Хамови сынове – полуденьныя страны, Афетови же сынове прияша западныя страны и полунощныя страны» (5). Эта фраза является фразеологическим повторением первой фразы большого рассказа (вступительного в летописи) о разделе земли: «И яся вѣстокъ Симови, ... Хамови же яся полуденьная страна... Афету же яшася полунощныя страны и западныя» (1–3). Повтором начальных и конечных выражений в большом рассказе летописец, по-видимому, оформил «восстановительный» мотив в составе рассказа о разделе земли.

Но вот что ещё интересно в композиции изложения: «восстановительный» мотив в большом рассказе, подводившем читателя к истории происхождения славян, имел вставной характер и прерывал логически гладкое движение основного сюжета. Действительно, без сообщения о «сыновех» Сима, Хама, Иафета рассказ о происхождении славян развивался бы без отвлечений в сторону: «И съмеси господь Богъ языки, и раздели на 70 и на 2 языка, и расъсея по всеи земли... От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ». Вставка о разделении земли уже между потомками братьев, как думается, понадобилась летописцу опять-таки для своеобразного закругления дополнительного сюжета на тему: всё вернулось на круги своя.

Мотив «восстановления справедливости» был выражен с некоторой экспрессией у летописца. Ведь глагол «прияти» в рассказе, по-видимому, имел отте-



нок торжественности, значительности, важных последствий такого действия: «*прияша* страны», и в результате этого дележа земли «бысть языкъ словенескъ», «сели суть словене по Дунаеви» и «разидошася по Земле» (5–6).

Догадку нашу подтверждает летопись. В летописи «приятти» какую-либо территорию означало очень важное событие по его последствиям (ср.: «разделиста по Днепръ Русьскую землю. Ярославъ *прия* сю сторону, а Мъстиславъ – ону, и начаста жити мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли» – 149, под 1026 г.). «Приятие» имело не только положительный, но иногда и трагический смысл (ср.: «половци же, *примше* град, запалиша и' огнем, и люди разделиша, и ведоша в веже к сердоболем своимъ и сродником своимъ мно́го роду христьянска» – 225, под 1093 г.). К «приятти» территорий примыкало «приятти» власти – тоже экспрессивное выражение (ср.: «избью всю братью свою и *приму* власть русьскую единь» – 139, под 1015 г.). Все прочие словосочетания со словом «приятти», как правило, также были экспрессивными («приятти» мечь, казнь, муку, смерть и пр.; «приятти» честь, дары, исцеление и пр.; «приятти» «закон», крещение, устав и т. д.). Таким образом, второстепенный мотив «восстановления справедливости» в рассказе о разделении земли и о вавилонском столпе был выражен летописцем вовсе не бесчувственно.

Но самое примечательное: летописца больше интересовали детали нарушения порядка, чем его восстановления, и поэтому о нарушившем братский договор столпотворении и о вавилонском столпе летописец рассказал гораздо больше, чем о восстановленном затем порядке деления владений.

Теперь можно кое-что добавить к характеристике умонастроения летописца. В летописи далее неоднократно встречаются рассказы или сюжеты о «восстановлении справедливости», в основном политической; при этом летописец проявлял интерес к описанию и оценке фактов именно нарушения порядка, а о последующем восстановлении порядка умалчивал или сообщал совсем кратко. Из многих примеров подробно рассмотрим только два случая. Так, в летописи можно заметить сюжет о восстановлении в Киеве «правильной» формы власти – княжеской: сначала в Киеве «*Кии княжаше*» (10); затем самозваные властители, не князя, а только «боярина» (20, под 862 г.) Аскольд и Дир «остаста въ граде семь» и, по определению летописца, не княжили, а лишь «начаста владети» (21, под 862 г.); но пришёл Олег и «седе Олегъ, *княжа* въ Киеве» (23, под 882 г.). Аскольд и Дир как нарушители порядка были охарактеризованы сравнительно подробно и притом отрицательно: собранный ими флот был назван как «*безбожныхъ* руси корабли» (21, под 866 г. Летописец нарочно оставил этот эпитет, взятый из рассказа об Аскольде и Дире в продолжении «Хроники» Георгия Амартола); сами Аскольд и Дир получили уничижительную оценку («вы неста князя, ни рода княжа» – 23, под 882 г.); о восстановленном же порядке княжения, как, впрочем, и о первоначальном порядке княжения в Киеве, не было сказано ничего.

Сходное внимание летописец проявил именно к нарушению традиционного юридического порядка. Например, судя по рассказу летописца, Владимир после

крещения отменил прежнее судопроизводство: «отвергъ виры и нача казнити разбойники» (127, под 996 г.); но потом вернулся к прежнему взиманию вир (штрафов и конфискаций) с разбойников. Именно о нарушении прежнего порядка летописец рассказал больше всего: «умножишася зело разбоеве ... умножишася разбоиници»; епископы обратились к Владимиру: «достоить ти казнити разбойника»; в результате без вир стало не хватать денег на войско, ведь много войн: «рять многа». Но о том, что же получилось после возвращения к вирам, не сказано.

Общая картина вырисовывается следующей. Особенно обильно и сочно летописец рассказывал о нарушениях монастырского порядка (вспомним, например, большой рассказ о монахе Исакии). Правда, рассказы подобного рода явно ориентировались на патериковые легенды. А вот рассказы о политических нарушениях зачастую были более оригинальны у летописца. Но к таким сюжетам летописец, видимо, ещё не привык: такие сюжеты обычно очень нечётко выделялись как форма или композиция у летописца и, вероятно, формировались стихийно.

**Цели повествователя.** Остались необъяснёнными, по крайней мере, два явления поэтики рассказа о вавилонском столпе. Основной особенностью повествовательной манеры летописца в рассказе о вавилонском столпе, как уже можно было убедиться, явилась скрытость или слабость выражения экспрессии и соответствующих ассоциаций, по поводу которых у летописца нет ни оценок, ни комментариев на этот счёт, ни разъяснений, ни даже обмолвок. Подобная сдержанность летописца объясняется в этом рассказе, как нам кажется, двумя причинами: во-первых, деловитостью и сокращённостью пересказа легенды летописцем и, во-вторых, побочностью истории вавилонского столпа в летописном рассказе, главной темой которого было происхождение славян в результате деления человечества Богом, прервавшим возведение вавилонского сооружения. Из-за побочности темы в сокращённый пересказ летописца о вавилонском столпе как следствие вкрались неясности и недоговорённости (в частности, не объяснялось, почему люди стали строить столп и почему его разрушил Бог), а заодно и экспрессия изложения получилась стёртой, непроявленной.

Далее в летописи эта сдержанная повествовательная манера тоже присутствовала. В чём её главная причина? Для объяснений обратимся к летописным рассказам, в чём-то аналогичным рассказу о вавилонском столпе по объектам описания (близких аналогий нет). Так, в летописном рассказе о горе, долбимой каким-то «нехорошим» северным народом, скрытое выражение экспрессии необычности-«нехорошести» всё равно преобладало у летописца, хотя данный сюжет на этот раз был основным, а не побочным. Эмоциональную сдержанность летописца, видимо, вызвала именно сокращённость пересказа легенды, притом слышанной летописцем уже лишь из третьих уст (летописцу, по его признанию, сообщил легенду некий новгородец, который узнал её от своего «отрока», вернувшегося с Севера, а того предупредила «югра ... языкъ немъ» – 235, под 1096 г.).

Но сокращённость пересказа также не была главной причиной сдержанности летописца: ведь скрытое выражение ощущения удивительности или необычности описываемых явлений присутствовало у летописца и в рассказах, не являв-

шихся пересказами чужих сообщений. В качестве примера возьмём и бегло охарактеризуем рассказ тоже о столпе (правда, не материальном) из самого конца «Повести временных лет», – о тех событиях, чему летописец мог быть свидетелем: «Бысть знаменье в Печерьстем монастыре в 11 день февраля месяца. Явися столпъ огонь от земля до небеси, а молнья осветиша всю землю и в небеси погреме в час 1 нощи, и весь миръ виде. Се же столпъ первее ста на трапезници каменеи, яко не видети бысть креста; и, постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосьевым; и потом ступи на верхъ, акы ко востоку лицъ; и потом невидим бысть» (284, под 1110 г.). Здесь необычности следуют одна за другой, нагнетанием необычностей и передано чувство удивления: столп не материальный, а из огня; столп появился не в одиночку, а вместе с молнией; огонь не движется, а стоит; сам же столп не стоит, а медленно передвигается; наконец, огонь не гаснет постепенно, а внезапно становится невидим и т. д. Необычность этих предметных деталей всё-таки лишь подразумевалась летописцем, хотя ощущение удивительности события летописец в общем обозначил, назвав произошедшее знамением и подчеркнуто причислив его к явлениям мистическим («се же беаше не огненный столпъ, но видь ангелескъ: ангель бо сице является, – ово столпом огненным, ово же пламенем»). Значит, главное заключалось вот в чём: летописец не столько описал событие во всех подробностях, сколько бегло, но напряжённо («со значением») напомнил о нём.

Можно и обобщить. Скрытость ассоциаций и экспрессивных оттенков была вызвана прежде всего этой «напоминательной» повествовательной манерой летописца, особенно в первой половине летописи<sup>12</sup>. Причины преобладания такого литературного явления, как «напоминательность», пока не ясны. Возможно, и тут присутствовала политика: летописец ориентировался преимущественно на традиции внешне простого, безыскусного, не книжного, а устного рассказа своего времени, много чего подразумевающего, но не разъясняющего, то есть писал лишь для узкого круга политически опытных (и что-то знающих из истории) читателей и слушателей, – для княжеской и церковной «верхушки».

Но снова вернёмся к исходному летописному рассказу. Ещё одной особенностью поэтики летописного рассказа о вавилонском столпе явилась ассоциативная многозначность предметной детали. Мы уже отмечали, что деталь «до небеси» одновременно указывала в тексте и на необычность великого столпа, и на его «нехорошесть». Это повод для обобщений. Подобное явление многозначности деталей тоже было распространено в летописи. Приведём только один пример, – он того стоит. Так, при упоминании ещё одной стройки (созидании Киева) в летописи, несколько далее после рассказа о вавилонском столпе, говорилось, что путешествовавший апостол Андрей «поиде по Днепру горé, и по приключаю ста подь *горами* на березе, и заутра, въставъ, и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: ”Видите ли *горы* сия? Яко на сихъ *горах* восияеть благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать”. И въшедь на *горы* сия, благослови я,

и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълезъ с *горы* сея, идеже после же бысть Киевъ» (8).

Обращает внимание в этом рассказе повторение летописцем слова «горы» (или «гора»), хотя для самого миссионерского путешествия апостола данная деталь не имела особого значения. Этой повторяемой деталью летописец скрыто охарактеризовал местную обстановку, основываясь на привычных для него ассоциациях по смежности, что видно по повторению одних и тех же, но вовсе не банальных ситуаций с горами, притом в разных летописных рассказах и в разных сюжетах. Гора ассоциировалась у летописца с элементами ландшафта, обычно водными: «*по Днепру ... подъ горами на березе*» (ср. в других рассказах: «на горахъ *надъ рекою*» – 17; «*вода* текущи възле горы» – 55, под 945 г.; «суть горы заидучи в луку *моря*» – 235, под 1096 г.). Гора ассоциировалась с безлюдьем, с одиноким благочестивым посетителем: апостол Андрей никого не застал на горах (ср.: «Антонии же ... поча ходити *по дебрь* и по горамаь ... и вселися в не ... хочю въ ону гору ити *единь ... уединивъся* жити» – 156-158, под 1051 г.). Но далее развёртывалась целая история. Гора обычно ассоциировалась с некоей одолимой высотой, подъёмом на неё: Андрей «въшедъ на горы» (ср.: «несоша на гору» – 23, под 882 г.; «въшедшу на гору» – 96, под 986 г.; «идоша на гору» – 171, под 1068 г. и мн. др.). Гора и вершина горы выступали местом божественного действия: «на сихъ горахъ восияеть благодать Божья» (ср.: «Господь ... дастъ имъ законъ на горе» – 96, под 986 г.; «по горамаь, ища, кде бы ему Богъ показаль» – 156, под 1051 г. и т. д.). Но особенно часто гора ассоциировалась у летописца с каким-то строительством на ней: «на сихъ горахъ ... церкви многи Богъ въздвигнути имать» (ср.: «постави же церковь ... на горе» – 116, под 988 г.; «иде в гору и ископа пещеру» – 158, под 1051 г.; «ступишася о них горы ... и ту створишася врата медяна» – 236, под 1096 г. и пр.). Наконец, гора ассоциировалась с местом массового обитания людей, – с городом, а именно с Киевом: «на сихъ горахъ ... имать градъ великъ быти» (ср.: «жившимъ особе по горамаь симъ» – 7; «сediaше на горе» – 9; «на горе градок» – 20, под 862 г.; «на горе градъ же бе» – 55, под 945 г.). Как можно убедиться, весь рассказ о посещении места будущего Киева апостолом Андреем летописец составил из типовых ситуаций, относящихся к горам.

Сочетание ассоциаций, относящихся к горам, в сущности, заменяло ещё не открытый летописцем способ пространного экспрессивного описания обстановки событий, появившийся многими веками позже в литературе Нового времени. В неявном сочетании ассоциаций и заключался секрет содержательного летописного лаконизма рассказов и об апостоле Андрее, и о вавилонском столпе, и прочих рассказов в «Повести временных лет».

**Историко-литературная проблема.** Из всех отмеченных выше повествовательных особенностей летописи именно сюжеты о «восстановлении справедливости и благочестия», пожалуй, быстрее всего вводят нас в историю древнерусской литературы XI – начала XII вв. В самом предварительном, очень схематичном и кратчайшем виде общая картина кажется следующей. В XI в. тема нарушения благочестивых порядков не затрагивалась в литературе, по крайней мере заметным

образом. Например, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха говорили лишь о триумфальном шествии христианской веры в мире и по Русской земле, без каких-либо нарушений и отступлений.

Но к началу или с начала XII в. мотивы «восстановления справедливости» и пристальные описания различных нарушений порядка появились в литературе, примерами чего являются наряду с «Повестью временных лет» «Житие Феодосия Печерского» (главный нарушитель – мать Феодосия), «Чтение о Борисе и Глебе» и особенно «Сказание о Борисе и Глебе» (в сущности, всё произведение посвящено описаниям преступлений Святополка после кратко упомянутого периода справедливого правления Владимира и перед относительно кратко же упомянутым периодом восстановления справедливости при Ярославе). Видимо, в начале XII в. произошли повлиявшие на литературу и душевное состояние авторов значительные неблагоприятные изменения в политической и моральной обстановке на Руси. Но всё это надо исследовать специально.

<sup>1</sup> ПСРЛ. – М., 1997. – Т. 1 / Текст летописи подгот. Е. Ф. Карский. Стб. 5. Далее столбцы данного издания указываются в скобках.

<sup>2</sup> ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 1–5.

<sup>3</sup> См. разночтения: ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 5; Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. – СПб., 1897. – С. 4–5; *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. – Пг., 1916. – Т. 1. – С. 4–5, 375.

<sup>4</sup> *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. – Т. 1. – С. 4.

<sup>5</sup> См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. – М.; Л., 1940. – Т. 4. – С. 44–45, 74. Ср.: *Истрин В. М.* Книги временных и образных Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Пг., 1920. – Т. 1. – С. 57–58.

<sup>6</sup> Бытие, гл. 11, стихи 1–2.

<sup>7</sup> Бытие, гл. 11, стих 5 // «Острожская библия». – 1580. – Л. 5.

<sup>8</sup> Это заметил Д. С. Лихачёв, см.: Комментарии // Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1996. – С. 385.

<sup>9</sup> Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. – М., 1997. – С. 92–93.

<sup>10</sup> ПСРЛ. – СПб., 1911. – Т. 22, ч. 1 / Текст памятника подгот. С. П. Розанов. – С. 30.

<sup>11</sup> *Истрин В. М.* Книги временных и образных Георгия Мниха. – Т. 1. – С. 57.

<sup>12</sup> См.: *Дёмин А. С.* «Подразумеваемательное» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 2005. – Сб. 13. – С. 519–579.